

Что делают социальные ученые в ситуации «политеизма ценностей»? Или еще немного о веберовском «призвании»^{*,**}

Илья Пресняков

Магистр социологии (The University of Manchester/МВШСЭН), научный сотрудник, Центр социологических исследований, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Адрес: проспект Вернадского, 82, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация 119571
E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

Настоящая статья посвящена науке как ценностной сфере в теории Макса Вебера. Автор показывает, каким образом складывается ее внутреннее устройство и формируется «собственная логика». Далее, с опорой на логико-методологические основания, предложенные Вебером, автор прослеживает, как внутри науки реализуется модус действия «по призванию», осуществляющегося учеными в ситуации «политеизма ценностей». Опираясь на содержание недавних дискуссий о науке Вебера, автор выстраивает линию рассуждения следующим образом. Во-первых, прослеживает, как меняется методологическая роль ценностей в науках о культуре в связи с переходом от риккертского трансцендентализма к веберовскому политеизму ценностей. Во-вторых, анализирует, каким образом в теории Вебера выстраиваются отношения между наукой, прогрессом и рационализацией. В-третьих, автор эксплицирует модус «призвания» в науке. В-четвертых, кратко прослеживает развитие идеи Вебера о ценностной автономии научной сферы. У Вебера истина лишается логического критерия объективности. Но не главенствующего статуса. Механика «познавательного интереса» позволяет ученым отделять венаучную прагматику от научного поиска. Прогресс социальных наук для Вебера — это концептуальная дифференциация, возникновение новых исследовательских подходов и уточнение используемых понятий. Ассоциируемое с научной работой «обретение ясности» оказывается не ее собственной целью, а возможным эффектом использования полученных знаний. Модус «призвания» ученых проявляется в том, что они формулируют отличающиеся идеально-типические конструкции и каузальные объяснения, которые представляются адекватными и достаточными с точки зрения их познавательных интересов. Границы «призвания» в науке формируются у Вебера как следствие его работы над логико-методологическими основаниями социального познания, участия в «предметных» исследованиях и реализации «программы» по социологии религии.

Ключевые слова: Макс Вебер, наука, ценности, ценностные сферы, политеизм ценностей, действие, призвание

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Автор выражает благодарность Константину Борисовичу Гаазе за ценные советы и помощь на начальном этапе работы над текстом, а также анонимным рецензентам «Социологического обозрения» за глубину критики и терпение.

** Статья признана лучшей по итогам Конкурса научных работ на соискание премии имени Макса Вебера 2020–2021 гг., организованного журналами «Социологическое обозрение» и «Экономическая социология».

Отправной точкой статьи послужила полемика между Р. И. Капелюшниковым (Капелюшников, 2018а: 25–49; Капелюшников, 2018б: 12–42; Капелюшников, 2019) и И. В. Забаевым (Забаев, 2019: 20–71) о содержании и характере аргументации Макса Вебера в работе «Протестантская этика и дух капитализма». Говоря сжато, тезис Капелюшникова состоит в том, что Вебер не сумел доказать существование связи между духовными (религиозными) и материальными факторами, «избирательное сродство»¹ которых привело к появлению современного рационального капитализма (Капелюшников, 2018а: 31). Забаев оспаривает такую интерпретацию Вебера и утверждает, что его главной темой была не столько экономика, сколько этика и формирование нового типа модернистского мышления (Забаев, 2019: 3, 29).

Мы не включаемся в эту полемику, но хотели бы обратить внимание на один аспект «Протестантской этики», который оказался важным для обоих участников, хотя и не стал центральным в их аргументах. Речь идет о понятии призвания (Beruf), которое, по Веберу, определило значение мирской деятельности для спасения христианина. Но какого рода это призвание? Капелюшников указывает на разницу в «знаках отличия», свидетельствующих об успешности предпринимателя и рабочего. Такая неравномерность, полагает он, оказывается «фатальной» для Вебера: «Либо все верующие судят о своих шансах на спасение по тому, как их деятельность оценивается „рынком“, и тогда исчезает асимметрия между предпринимателями и работниками, либо предприниматели и работники являются носителями разного этоса, и тогда вообще рушится вся его конструкция» (Капелюшников, 2018б: 20) (курсив мой. — И. П.). Забаев подходит к этой же теме с другой стороны, когда замечает, что «Вебер побуждает нас проверять гипотезы... о том, как *ответы на предельно важные для человека вопросы формируют характер человека и этот характер позволяет совершать строго определенного типа действия в тех или иных (во всех?) сферах жизни*» (Забаев, 2019: 48). К сожалению, это соображение не получает у него дальнейшего развития.

Вебер считал (и об этом говорят, хотя и по-разному оценивают его аргументы, оба исследователя), что выраженная в специфически «рациональном ведении жизни» идея «призвания», изначально испытывающая сильное влияние религиозной этики, продолжает влиять на поведение людей в современном, секуляризированном мире. Если формирование понятия призвания происходило в основном до того, как отдельные «порядки» или «сферы» отделились друг от друга, обрели относительную автономию, то в современном мире «призвание» означает, что человек, находясь внутри определенного порядка, принимает его высшие ценности, которые становятся не только детерминантами его действия, но и критерием оценки последствий этого действия. Порядок является ценностным, так как совершаемое в нем «действие (в среднем или приблизительно) ориентировано

1. Понимание Р. И. Капелюшниковым «избирательного сродства» критикует Д. В. Катаев (Катаев, 2018). С его точки зрения, взаимосвязь между материальными и духовными факторами в «Протестантской этике» является менее жесткой и каузально предопределенной, чем она представлена в интерпретации экономиста (Там же: 147).

на явные „максимы“² (Вебер, 2008: 109). А если помнить идею Вебера о значимости для людей разных и даже противоречащих друг другу порядков (сфер), то получается, что уже в «Протестантской этике» ученый не просто указывает на два из них (религия и экономика), но идеально-типически обозначает отношение напряженности между ними. Именно на проблеме этих напряженных отношений мы и сосредоточимся далее в нашей статье.

Попробуем показать, как у Вебера возникает автономия не только экономической, но и других сфер, которые являются — и в этом заключается наш главный аргумент — не только «жизненными», но и «ценностными». Для этого поместим «Протестантскую этику» в контекст веберовской социологии религии и свяжем ее с «Промежуточным рассмотрением»³.

Вебер исследует противоречия, возникающие между религией и другими порядками: экономикой, политикой, искусством, эротизмом и интеллектуализмом (наукой) (Вебер, 2017б: 197–445). С появлением «религий спасения» развитие предлагаемых ими картин мира осуществлялось вокруг решения двух проблем: собственно «спасения», то есть возможности обретения верующим уверенности в божественной благодати (*certitudo salutis*), и «теодицеи» — оправдания несовершенства посюстороннего мира и необходимости жить и действовать в нем. Их наиболее consistente и строгое решение предложил протестантизм нескольких кальвинистских сект в виде концепции «предопределения»: мир рационально устроен Богом, существует для его прославления, а любовь к Нему «находит свое выражение в первую очередь в выполнении профессионального долга, данного *lex naturae*» (Вебер, 1990д: 146). В такой ситуации «дуалистического теоцентризма» (Roth, Schluchter, 1984: 47) от человека требуется действие, рассчитанное на успех, — единственное свидетельство возможности спасения. Однако по мере овладения действительностью «разволшебствляются» отношения не только между Богом и человеком, но и между человеком и миром его активности: «Религиозно обесцененный „мир“ требует... признать свои *собственные законы*» (Ibid.: 42). «Мирские» порядки начинают функционировать как автономные и «становятся... призываем» (Вебер, 2017а: 199–200). Последнее осуществляется личностью, оформляющей собственное ведение жизни, когда человек «не просто „функционирует“... но... придает совокупности действий некоторое осмысленное единство» (Вебер, 2005б: 55).

2. Вебер различает «максимы-нормы», обладающие статусом этических императивов и являющиеся основой ценностно ориентированного действия, и «максимы-цели», которые отвечают за целерациональное поведение. Веберу при этом важно показать, как в современном обществе целерациональное действие само становится этическим императивом. Поэтому в конечном счете оба вида максим Вебер называет «ценностями» (Weber, 2012с: 197).

3. «Промежуточное рассмотрение», которое известно также как «Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира», завершает первый том «Собрания сочинений по социологии религии». Ему предшествует «Протестантская этика» и первое из исследований по хозяйственной этике мировых религий, посвященное конфуцианству и даосизму. В новом русском переводе О. В. Кильдюшова подзаголовок «Промежуточного рассмотрения» несколько изменен: «Теория уровней и направлений религиозного неприятия мира» (Вебер, 2017б: 197–445).

Только теперь, после предварительных разъяснений, мы можем обозначить цель нашего исследования. Она состоит в следующем: во-первых, проследить, каким образом в теории Вебера складывается устройство и формируется «собственная логика» науки как ценностной сферы; во-вторых, показать, как в науке реализуется модус действия «по призванию», осуществляющегося учеными в ситуации конфликта или «политеизма ценностей».

Это позволит внести вклад в изучение веберовских ценностных сфер, социологический «статус» которых, по мнению Р. Сведберга и О. Агевала, «остается непроясненным» (Swedberd, Agevall, 2016: 369). Авторы отмечают сложности в основном терминологического характера, поэтому нам их утверждение кажется слишком категоричным. Мы бы хотели солидаризоваться с трактовкой, предложенной Р. М. Лепсиусом. По его мнению, ценность не направляет социальное действие сама по себе. Для этого ей необходим «контекст значимости» — смысловое, символическое и социальное пространство, внутри которого из простой идеи она превращается в «критерий рациональности» и определяет содержание «руководящего принципа», структурирующего социальные действия акторов в границах «контекста». При этом ценность должна утратить изначально присущий ей этический заряд. Это позволит ей влиять на ход социального действия независимо от личностных особенностей и интересов акторов, которые начинают соотносить свое поведение с безличным руководящим принципом (например, с принципом подсчета издержек и доходов). Так и возникает «институт» (например, рынка), то есть «социальное структурирование, обеспечивающее связь между ценностью и социальным действием» (Lepsius, 2017: 49). Борьба ценностных порядков при этом теряет этический пафос и представляет собой несовпадение или даже противостояние критериев рациональности, имеющих разную когнитивную структуру, контекстов их значимости, методов рационализации и способов ориентации социального действия (Ibid.: 72–73). Это общее замечание методологического свойства позволит нам лучше понять смысл и значение еще одной острой полемики, прямо затрагивающей нашу тему.

К еще одной дискуссии о Вебере

Рассмотрим аргументы, изложенные в видеолекциях Г. Б. Юдина и В. С. Вахштайна на платформе «ПостНаука»⁴. В них по-разному трактуется веберовское понимание науки и в связи с ним понятие профессионального призвания ученого.

Г. Б. Юдин выдвигает следующий тезис: «За любым исследованием всегда стоит ценностная мотивация. Нам никогда недостаточно нашей верности науке, чтобы начать исследование» (Юдин, 2019: 20 мин. 29 сек.). И далее: «С точки зрения Вебера, наука — это то пространство, где могут встречаться люди с разными ценностями... за счет которого представители разных ценностных позиций, политические

4. Официальный сайт проекта: <https://postnauka.ru/>

противники, могут входить на общую территорию и обсуждать там что-то вместе» (Там же: 21 мин. 12 сек.). Последовательность аргументации, вытесняющая разнонаправленность мировоззрений, становится фундаментом «островка безопасности», в котором коммуницируют ученые с разными ценностями.

Далее Юдин связывает науку с процессом рационализации: «Каждый, кто выбрал для себя науку, вольно или невольно принес присягу рационализации. <...> С точки зрения Вебера, каждый, кто сражается за рационализацию, должен понимать, что его ценность не является самоочевидной для других. А значит, ему придется отстаивать его ценности в политической борьбе» (Там же: 22 мин. 07 сек.). И поэтому «наука не замещает нам политику, наука позволяет нам становиться политически сильнее» (Там же: 23 мин. 57 сек.). Как видно, в такой трактовке ценности, значимые для ученого и актуализированные им перед проведением исследования⁵, оказываются не менее значимыми, чем вопросы, непосредственно связанные с исследовательским процессом.

В ответ В. С. Вахштайн предлагает тезис о «ценностном суверенитете науки» и проводит различие между донаучными и научными ценностями. Первые «направляют интерес до того, как мы становимся учеными» (Вахштайн, 2019: 5 мин. 48 сек.). Соответственно, «когда мы входим в регион науки, мы оставляем за спиной все прочие мировоззренческие установки и предпочтения, мы подчиняем свое действие поиску истины... В этом смысле не может сказать ученый, что он занимается наукой, чтобы стать политически сильнее» (Там же: 4 мин. 40 сек.).

Для усиления идеи о «суверенитете» Вахштайну необходимо ослабить связку «наука–рационализация». Последняя объявляется следствием множества причин. Наука является одной из равноправно действующих переменных, но именно поэтому сохраняет собственную специфику: «Наука — лишь часть этого процесса. Да, автономная, но часть... Если рационализация — это максима науки, то тогда чем она отличается от протестантизма и капитализма?» (Там же: 13 мин. 40 сек.).

Спор сводится, таким образом, к вопросу о самостоятельности или самости науки. Она функционирует как совокупность действий ученых, являющихся культурными и ценностными существами. С точки зрения «техники» исследования эти действия должны быть профессиональными и методически выверенными. В этом интерпретации сходятся. Ключевое отличие возникает в описании сцепки личностных устремлений ученых и науки как региона ценностей. В первом случае донаучная система релевантностей позволяет не только выделить объект исследования, но и обеспечить субъекта решающими мотивами для познания. Во втором ценности исследователя определяют только общую направленность его работы, направляемой единственной максимой — истиной.

Как и в случае с полемикой Р. И. Капелюшникова и И. В. Забаева, мы не принимаем ни одну из сторон. Однако мы обнаруживаем ориентиры для лучшего

5. Например, ценность общественной рационализации.

понимания взглядов Вебера на науку. Дальше наше изложение будет построено следующим образом.

Во-первых, мы проследим, как меняется методологическая роль ценностей в науках о культуре в связи с переходом от риккертского трансцендентализма к веберовскому политеизму ценностей. Во-вторых, проанализируем, каким образом в теории Вебера выстраиваются отношения между наукой, прогрессом и рационализацией. В-третьих, эксплицируем модус «призвания» в науке. В-четвертых, кратко проследим развитие идеи Вебера о ценностной автономии научной сферы.

Ценность истины: логическая общеобязательность vs «политеизм ценностей»

Идеи Вебера о ценностях связаны с аксиологией Генриха Риккерта — представителя Баденской школы неокантианства. Чтобы продемонстрировать их преемственность и отличия, воспроизведем некоторые положения риккертской теории.

Одна из задач философа — провести границу между «науками о природе» и «историческими науками о культуре» и обосновать объективность последних. Их объект возникает как результат процедуры «отнесения к ценности», когда из «экстенсивного» и «интенсивного» многообразия действительности ученый выделяет интересующий его фрагмент. Чтобы конституируемый таким образом «исторический индивидуум» и обозначающее его «индивидуальное понятие» имели научный статус, ценность, к которой «относится» действительность, должна быть объективной, то есть «всеми признаваемой ценностью или ценностью для всех» (Риккерт, 1997: 290–291). Вопрос о самостоятельности наук о культуре сводится к поиску критерия этой объективности.

Риккерт предлагает логическое, или «трансцендентальное», решение на примере ценности истины. Он утверждает, что всякое познание основано «на сознании вообще, производящем акты суждения, а следовательно, и на сверхиндивидуальном гносеологическом субъекте, производящем оценку истинности» (Там же: 484). Отрицание этого положения возможно только в форме суждения, которое будет осмысленным, если также подразумевает обязательность ценности истины. Соответственно, такое отрицание обязательности ценности истины отрицает и само себя. Поэтому, заключает Риккерт, «признание ценности истинности есть логическая предпосылка всякой науки» (Там же: 484).

Концепции «сверхэмпирического субъекта» и «объективно обязательного долга» (Там же: 500) позволяют Риккертю утверждать объективность не только «интеллектуальных», но и «неинтеллектуальных» ценностей. В более поздней работе он проводит различие между ними как «теоретическими», подразумевающими созерцательное отношение к миру, и «нетеоретическими», проявляющимися в «практическом воздействии» на него (Риккерт, 1998: 372–373). При этом трансцендентальное доказательство объективности первых не может быть использова-

но для обоснования общезначимости вторых. Это было бы проявлением «интеллектуализма» (Риккерт, 1997: 500) и редукции.

Вебер использует арсенал Риккерта — поначалу почти безоговорочно, а затем с некоторыми коррективами. Теорию ценностей философа и «отнесение к ценности» он принимает как элемент *логического* устройства наук о культуре, но без трансцендентального доказательства, называя его «ценностной метафизикой» (Weber, 2012a: 413). Так как «ценность» может подразумевать не только процедуру «отнесения» к ней, но и *практическую* оценку чего-либо, Вебер отдает предпочтение термину «интерес», отражающему *теоретический характер* формирования «исторических индивидуумов». Более того, процесс отбора материала и формирования понятий зависит не столько «от степени универсальности этого интереса», сколько от «постоянно изменяющихся различий интереса отдельных лиц» (Вруш, 2001: 144). Соответственно, если у Риккерта иерархия ценностей образует «надисторическую систему», опираясь на которую философ планировал создать «универсальную научную теорию мировоззрения» (Гайденко, Давыдов, 1991: 43), то у Вебера ценности теряют «абсолютный» статус и становятся историческими образованиями, выражающими разнообразные, часто противостоящие друг другу установки определенного периода времени. «Сверхэмпирический субъект» уступает место конкретному человеку, удел которого — *выбирать* одни ценности, отвергая или даже «оскорбляя» другие.

Однако если риккертское противопоставление двух классов ценностей объясняется их логически доказанной противоположностью, то есть ли обоснование у веберовского «политеизма»? Американский историк социологии Г. Оукс предпринял специальное исследование «Вебер и Риккерт: образование понятий в науках о культуре» (Oakes, 1988), а также посвятил ряд позднейших публикаций интересующей нас теме. Идею о несоизмеримости ценностных порядков он связывает с веберовским утверждением «бессмысленности» науки, которая не может обосновать тот или иной ценностный выбор. Оукс считает такое утверждение парадоксальным. Анализируя философские сочинения Толстого, на которые ссылается Вебер в лекции «Наука как призвание и профессия», он показывает, что Толстой использует познавательный инструментарий, который у Вебера входит в корпус «науки» («Wissenschaft»). Поэтому «исследование, которое он предпринимает в „Исповеди“, не может основываться на идее бессмысленности науки» (Oakes, 2001: 204). Этот же вывод имеет силу и применительно к позднему Веберу: используя инструменты «Wissenschaft», он не может, не противореча сам себе, говорить о ее бессмысленности. Аналогичным образом дело обстоит с ценностями. Чтобы продемонстрировать конфликт между ними, их необходимо как минимум сравнить. Сравнение же «требует общих стандартов, с помощью которых можно интерпретировать или оценивать ценности» (Ibid.: 198). Таковыми для Вебера становятся правила «логики». Поэтому, делает вывод Оукс, веберовская антиномия ценностей и выбор между ними «возможны только из ценностного региона науки» (Ibid.: 206).

Однако демонстрация того, как Вебер с помощью инструментов науки работает с ценностными сферами, делает из него того самого редукциониста, который, согласно Риккерт, «совершает ошибку в понимании характера нетеоретических ценностей» (Oakes, 1988: 140). Оукс критикует Вебера за универсализацию ценности истины и обвиняет его в интеллектуализме, лишаящем другие ценностные сферы собственных «логик развития» и не позволяющем определить высшие ценности каждой из них. Чтобы это сделать, необходимо или отказать интеллектуализму в статусе самостоятельного ценностного региона, или признать, что высшие ценности определяются внутри самих ценностных сфер. Поэтому для американского исследователя веберовская теория ценностей является «редукцией всех сфер жизни к ограниченному набору принципов» (Oakes, 2003: 35). Вебер как будто не до конца выучивает уроки риккертского неокантианства⁶.

Посмотрим сейчас на дело с другой стороны. Обоснованием объективности социальной науки становится у Вебера концепция «идеальных типов», возникшая в ходе знаменитого «спора о методах» между «исторической» и «теоретической» школами национальной экономики. «Историки» во главе с Г. фон Шмоллером считали, что изучение экономических явлений в их «тотальном контексте» приведет к созданию «универсальной социальной науки». Для этого требовалось кумулятивное накопление знаний и индуктивное образование понятий. Важным фактором экономического поведения человека признавалась его психика, поэтому психология расценивалась как «ключ ко всем наукам о культуре, а значит, и к политической экономике» (Schön, 2006: 62). «Теоретики», возглавляемые К. Менгером, напротив, считали, что эмпирическое многообразие реальности невозможно «схватить» полностью, поэтому экономика должна сосредоточиться на формулировке неизбежно «одномерных», но непротиворечивых понятий, сконструированных абстрагирующе-изолирующим методом.

При создании концепции идеальных типов Вебер опирается на результаты «теоретической» школы⁷. Идеальные типы он определяет как теоретические конструкции, используемые для выявления отклонений реального протекания событий от их «идеального» содержания и, далее, причинного объяснения этих отклонений. Эвристическая сила идеальных типов обеспечивается их «логическим совершенством» и «утопичностью». Это позволяло Веберу, видевшему задачу национальной экономики в понимании и объяснении не внутреннего, а внешне наблюдаемого экономического поведения, преодолеть психологизм «историков». Он прямо указывает, что экономическая наука обоснована «не психологически» и что она функционирует как «„сумма“ „идеально-типических“ понятий» (Вебер, 2020: 214).

6. Интерпретация Оукса в той части, где речь идет о тесной связи между идеями Риккерта и Вебера, подвергалась критике. См., напр.: Turner, Factor, 1981: 13; Wagner, Zipprian: 1990: 562.

7. Вильгельм Хеннис приводит прямое доказательство того, что прото-версия понятия идеальных типов упоминается Вебером в «Содержании лекций по общей (теоретической) [курсив мой. — И. П.] экономике» 1898 г. в Гейдельбергском университете, где ученый конструирует тип «нереалистичного экономического субъекта» (Hennis, 2006a: 35).

При этом Вебер не разрывает отношения с «исторической» школой, учеником которой является. При создании концепции «идеальных типов» он действительно вдохновлялся «концептуальным искусством „абстрактной теории“» (Hennis, 1994: 113). Но внимание к проблемам смыслового содержания и культурной значимости изучаемых явлений делало его ближе к исторической школе.

Попробуем связать концепцию идеальных типов с тем, как Вебер понимал ценности. Эта связка, с нашей точки зрения, проявляется в механике познавательного интереса или в том, что Вебер называл «ценностной интерпретацией». Ее устройство подразумевает две операции. Во-первых, «актуальная оценка объекта». Это «индивидуальное по своей природе» и неизбежное субъективное «ощущение» или «воление» (Вебер, 1990а: 451), определяющие выбор темы и задающие направленность мышления ученых. Научная сторона интереса раскрывается на стадии «„диалектического“ ценностного анализа» (Weber, 2012b: 79) Ученые определяют, с каких возможных «точек зрения» изучаемый объект может быть «значим» для исследования и какие именно его характеристики должны быть отражены в идеальных типах.

Далее, после отнесения эмпирического материала к некоторой ценности, следует его «мысленное усиление», осуществляющееся не произвольно, а с помощью «номологического» знания. Номология для Вебера — это опытное, «позитивное» знание о закономерностях окружающего мира, отражающее «объективные возможности» его развития, знание «каузальных связей» (Вебер, 1990г: 393, 377) не только на уровне законов природы, но и логических принципов и «известных эмпирических правил, в частности того, как люди обычно реагируют на данную ситуацию» (Вебер, 1990а: 473). С помощью номологического знания достигается такая степень «нереальности» идеального типа, что она служит «защитной стеной» для научных понятий, позволяя отделить теоретический познавательный интерес от оценочных суждений.

Итак, каким бы ни был познавательный интерес, он всегда будет логически приемлем. Так Вебер «защищает сферы ценностей от незаконного посягательства науки» (Vguing, 2010: 56) и предотвращает «интеллектуалистскую редукцию», в которой обвиняет его Оукс. Веберовские ценности, в отличие от интереса, изначально наполнены активным, «культурным» содержанием и, по сути, из трансцендентальных превращаются в трансцендентные. Отсюда следует, что, во-первых, они не могут быть научно (философски) обоснованы, во-вторых, что сфера науки, как и любой другой ценностный порядок, содержит собственные ценности. Точнее — познавательные интересы⁸.

8. Поэтому реализация познавательных интересов не оборачивается ценностной нейтральностью науки. Этот вопрос обсуждался на съезде немецких социологов 1964 г., в частности — в ходе полемики между Т. Парсонсом и Ю. Хабермасом. Парсонсу часто приписывают позитивистскую трактовку Вебера, что не совсем правильно. Свобода от оценок для него — это не свобода от ценностей вообще, а возможность «следовать ценностям науки в соответствующих пределах без того, чтобы они отвергались ценностями, противоречащими или не относящимися к ценностям научного исследования» (Parsons, 1965: 50). Подробнее о возможных причинах отождествления свободы от нормативных

Отсутствие общезначимого критерия объективности ценностей и частичная субъективность процедуры «отнесения к ценности» компенсируются «нереальностью» идеальных типов. Логическое устройство ценностной интерпретации и включение в процесс конструирования научных понятий номологического знания не позволяют оценкам проникнуть в структуру научного познания. Свободу от них можно считать проявлением принципа «сдержек и противовесов», когда каждая из сфер ценностей (теоретических и практических) не посягает на достоинство другой. Описанный таким образом механизм позволяет ученым различать свои действия, с одной стороны, как волящих и донаучно-ориентированных акторов, с другой — как теоретически настроенных исследователей. Это требует от них особой исследовательской внимательности и предполагает «различение не только между „практической оценкой“ и отнесением к ценности, но также и между этой оценкой и „интерпретацией ценности“» (Давыдов, 1998: 72).

Таким образом, научная истина для Вебера лишается неокантианской общезначимости. Но не статуса. Отнесение к ценности действительно подразумевает изначально практическое, «волевое» или «культурное» отношение познающего субъекта к объекту исследования. Но устройство теоретического познавательного интереса и способ образования идеально-типических понятий позволяют ученым отделять вненаучную прагматику от научного поиска. При этом борьба ценностей не только не подавляет автономию науки, но, напротив, позволяет истине стать осевым элементом самостоятельной ценностной сферы и противостоять утверждению о ее этической нейтральности.

Наука, прогресс и рационализация: «дифференциация» vs телеология

Но как в таком случае наука связана с прогрессом? Позволяет ли ее ценностная автономия говорить только о научном прогрессе? Зачем Вебер выделяет «вообще „прогресс“» (Вебер, 1990б: 711–712)? В каком отношении между собой находятся два подвида прогресса, говоря о котором Вебер последовательно в одном случае заключает термин в кавычки, а в другом обходится без них?

Начнем с того, что Вебер отвергает телеологическое определение прогресса как движения, ведущего к некоторому благу. Оно неприменимо, так как содержит скрытую или явную оценку развития чего-либо. Не телеологичен и прогресс науки. Ее развитие не определяется какой-либо конечной ценностью, заданной извне, и поэтому «устремлено в бесконечность» (Вебер, 1990г: 384).

Прогресс социальных наук для Вебера — это «чередование попыток мысленно упорядочить факты посредством разработки понятий, разложить полученные в результате такого упорядочения образы посредством расширения и сдвига научного горизонта, и попытки образовать новые понятия на такой измененной основе» (Там же: 406). Он не телеологичен, но и не бессмыслен. Именно отличаю-

суждений с ценностной нейтральностью см., например, в: Давыдов, 1998; Cohen, Hazelrigg, Pope, 1975; Sharlin, 1974; Swatos, Kivisto, 1991.

щиеся познавательные интересы гарантируют ученым осмысленность их работы. А единственной областью, в которой «прогресс науки» приобретает легитимное ценностное звучание, становится историческое или социологическое исследование развития конкретной дисциплины (Вебер, 1990а: 488).

Рассуждения о «вообще прогрессе» Вебер связывает с понятием «рационализации». Она характеризуется дифференциацией общественной жизни и означает «расширяющееся целерациональное упорядочение действий на основе согласия посредством формализованных установлений» (Вебер, 1990в: 542). Такая универсализация тоже не телеологична и не обязательно ведет к росту знаний людей об окружающей действительности.

Какова связь между развитием науки и общественным прогрессом в теории Вебера? Определить ее, с нашей точки зрения, можно с помощью понятия «технический прогресс». Вебер различает «рационально „правильное“» и «субъективно „рациональное“» поведение. Первое основано на объективных, соответствующих «научным данным» знаниях того, как нужно действовать (Вебер, 1990е: 584). При этом цели, определяющие направленность «рационально „правильного“» поведения, не устанавливаются научно. Второй вид поведения подразумевает субъективную оценку индивидом используемых средств как правильных для достижения поставленных целей. Под «техническим прогрессом» понимается увеличивающееся совпадение второго с первым. Наука может определить только, во-первых, содержание «рационально „правильного“» при заранее определенных целях, во-вторых, степень совпадения между «субъективно „рациональным“» и «рационально „правильным“» при осуществлении конкретного действия. Существование какой-либо «истинной системы ценностей» привело бы в лучшем случае к универсализации модели «рационально „правильного“» поведения, *но не гарантировало бы окончательного совпадения* с ним «субъективно „рационального“». Как замечает Вебер, «даже самая „технически правильная“ экономическая рационализация одним этим еще не легитимируется на форуме „оценок“. Сказанное касается всех рационализаций без исключения» (Там же: 589).

Вебер, как видно, «обесцеливает», «обесмысливает» прогресс. Ситуация «расколдованного» мира является конstellляцией, сцеплением множества факторов и обстоятельств. Наука вместе с другими порядками участвует в рационализации, но это участие не телеологично. Она может указать на необходимость или последствия выбора конкретных средств для субъективно поставленных целей. Но даже самый скрупулезный научный анализ не гарантирует хотя бы технически совершенной рационализации человеческого поведения.

Пользуясь аппаратом веберовской теории действия, можно выразить это следующим образом. Действующий, помимо ценности, направляющей его поведение, «вооружен» набором «правил» действия. Речь идет не просто о «закономерностях» в узком естественнонаучном смысле, но об «адекватных» причинных связях» (Вебер, 1990г: 378), касающихся мира человеческой активности. Иными словами, это знания и представления, опираясь на которые акторы в большин-

стве случаев (или «as a rule») могут быть уверены в успешности своих действий. Правила не вплетены в ткань социальной жизни. Они «интеллектуально созданы» (Weber, 2012b: 55) и значимы с точки зрения логической непротиворечивости. А причина, по которой человек в определенный момент пользуется конкретными правилами — это его представление о них как об «адекватных» ситуации. Совокупность имеющихся у субъектов правил Вебер называет «номологической».

Чтобы действовать, человек должен быть уверен, что его *правила действия адекватны смыслу ситуации*, то есть что в сочетании с ее элементами и на основе «средних привычек мышления и чувства» его действие представляет собой «типичную (как мы обычно говорим: правильную) смысловую связь» (Вебер, 2008: 95). Для этого требуется получить «правильное» понимание онтологических и номологических условий ситуации действия. В свою очередь, критерием адекватности производимой оценки правил остается изначальная максима или ценность. Действующий *пользуется номологическим знанием и производит оценку обстоятельств и возможных последствий действия, насколько это представляется ему адекватным с точки зрения максимы*.

Так, с нашей точки зрения, устроена «внутренняя логика» действия в той или иной сфере. Веберовский «профессионал», действующий в модусе «призвания», переводит максиму поведения в устойчивый набор мотивов и реализует их посредством методических и номологически фундированных действий. Но проследить весь ряд их последствий оказывается невозможным. Номология, не наделяя актора способностью схватывать онтологическую бесконечность мира, позволяет выстраивать только представляющиеся «объективно возможными», то есть соответствующие общим правилам, модели развития событий. Кроме этого, на протяженность прослеживаемых каузальных рядов влияют сами максимы поведения. Так веберовское «призвание» приводит к возникновению непредвиденных последствий, вторгающихся в реализацию других ценностей другими людьми⁹.

Эта схема не противоречит подходу, предложенному Лепсиусом, но дополняет его. Однако мы, во-первых, акцентируем проблематику каузальности в теории действия Вебера, а не его социологию институтов (Lepsius, 2017: 70), а во-вторых, как следствие, остаемся на микроуровне анализа ситуации действователя.

Ограниченность номологического знания и отличающиеся представления об адекватности правил (как следствия разных максим поведения) производят то, что в вебероведческой традиции называется «проблемой негативного внешнего эффекта действия» (Шлюхтер, 2004: 46), «парадоксом последствий» (Bruun, 2007: 53) или «ситуацией частичных рационализаций» (Тенбрук, 2020: 112). Результат действия «может быть абсолютно противоположным изначальному намерению», а у человека «нет средств предотвращения развития последствий или даже предсказания его точного направления» (Bruun, 2007: 188). Не является таким сред-

9. Как пишет Вебер, «если вы выбираете эту установку, то вы служите, образно говоря, одному Богу и оскорбляете всех остальных богов» (Вебер, 1990б: 730).

ством и наука. Веберовское «обретение ясности» в этом смысле — это не собственная цель научной работы, а ее возможный результат.

О призвании в науке

Далее необходимо определить, как действие в модусе «призвания» осуществляется социальными учеными. Для этого требуется эксплицировать многообразие ценностей в еще одной перспективе. Мы должны посмотреть на него со стороны ученого, способного «надеть себе, так сказать, шоры на глаза» (Вебер, 1990б: 708). Нас интересует, как воспроизводится борьба ценностей внутри социальных наук.

Поставленная задача касается если не «техники», то, скорее, манеры мысленного упорядочивания действительности. Речь об определении границ «каузального сведения», позволяющих считать его исчерпывающим и достаточным, а выделенные причины изучаемого явления — значимыми и адекватными. Границы каузального объяснения влияют на убедительность аргументации ученых, так как конечные наборы причин подразумевают, что поставленную научную проблему можно считать решенной. Определение границ каузации не должно быть произвольным, поэтому требуется указать критерий его «объективности».

По Веберу, ценности определяют, «насколько *глубоко* исследование проникает в бесконечное переплетение каузальных связей» (Вебер, 1990г: 382). Так они ограничивают длину каузального ряда. Мы назовем это ограничение «интенсивным». Вебер также отмечает, что ученые «подводят» изучаемое поведение под определенный тип причин. Это делает анализ «односторонним», но дает исследователям «преимущества разделения труда» (Там же: 368). Такое сужение каузального многообразия мы назовем «экстенсивным».

С. Тернер отмечает, что веберовская модель поиска каузальных связей, предполагающая анализ «объективных возможностей», методологически надежна и устойчива. Но познавательные интересы нельзя считать универсальными (Turner, 1990: 548). Например, как представители юридической науки мы останавливаемся на причинно-следственных связях, обусловленных нашим научно-юридическим интересом. Соответственно, если валидность вероятностной каузации (probabilistic causation) вполне объективна, то «каузальная ответственность» конкретных причинных цепочек зависит от данного познавательного интереса.

В таком случае необходимо показать, посредством чего осуществляется влияние последнего. Выше мы указали, что механика познавательного интереса проявляется в процедуре «ценностной интерпретации» или «ценностного анализа». Ее цель — сделать объект «понятным» для ученого в отношении к его познавательному интересу. Оказывается, что эта «понятность» важна не только для формирования «исторического индивидуума», но и для его объяснения. Вебер напрямую *связывает ценностный анализ с каузальным*: «Первый наметил „отправные точки“, от которых регрессивно шел каузальный процесс, снабдив его тем самым решающими критериями, без которых его можно было бы уподобить плаванию без компаса

по безбрежному морю» (Вебер, 1990а: 449). Иными словами, после формирования исторического индивидуума познавательный интерес становится каузальным интересом, определяющим точку, в которой «плавание» можно считать завершенным. Будучи *forma formans* познавательного интереса, ценностная интерпретация ограничивает потенциальную бесконечность каузального объяснения и добавляет к его научной валидности и логической непротиворечивости культурную значимость и осмысленность. Таково, с нашей точки зрения, каузальное устройство исторического познания в теории Вебера.

На уровне изучения действия процедура, близкая по содержанию и назначению к ценностной интерпретации, осуществляется социологами при определении «смысловой адекватности» наблюдаемого поведения. Напомним, что оно считается таковым в той степени, «в какой соотношение его составляющих мы, в соответствии со средними привычками мышления и чувства, характеризуем как типичную (мы обычно говорим: правильную) смысловую связь» (Вебер, 2008: 95).

Но, как замечает П. М. Степанцов, «разные социологи могут иметь различные „средние привычки мышления“, поэтому «требуется как-то определить границы возможности вменения смысла» (Степанцов, 2013: 32). Отсюда понятно, что достижение смысловой адекватности не предполагает какого-то единого и универсального научного стандарта. Адекватность по смыслу наблюдаемого действия может по-разному трактоваться в тот или иной исторический период или в зависимости от разных привычек и норм мышления.

Для непротиворечивого выражения схватываемых смысловых связей между действием и другими составляющими ситуации действия социологи формулируют идеальные типы. Устойчивость номологического знания, с помощью которого они конструируются, при этом не объясняет их разнообразия. В связи с этим С. Элиэсон призывает рассматривать предложенный Вебером способ образования научных понятий «как интерсубъективно значимую процедуру» (Eliason, 1990: 23), приводящую к альтернативным изображениям действительности. Дж. Дрисдейл усиливает эту идею и утверждает, что наука осуществляется в научных сообществах и подразумевает некоторый «уровень *согласия в определении ценностных идей*» (Drysdale, 1996: 83). Получается, что ученые так определяют степень смысловой адекватности действий и формируют такие идеально-типические конструкции, которые представляются им адекватными и достаточными *с точки зрения их познавательного интереса*. Последний, потенциально, может быть укоренен в нормах мышления конкретной науки.

Свяжем теперь устройство идеальных типов с границами каузальных объяснений. Контрфактический анализ и конструирование всех объективно возможных ситуаций работают только при неизменной лингвистической форме исследуемых событий и их условий (Wagner, Zipfian, 1986: 24). Поэтому отличающиеся языковые выражения как результата действия, так и его возможных причин неизбежно приводят к формированию различных по интенсивности и экстенсивности каузальных объяснений. Итак, на уровне изучения действия познавательный инте-

рес влияет на границы каузальных рядов посредством идеально-типических конструкций, обладающих *оптимальной по отношению к нему степенью смысловой адекватности*.

В этой перспективе можно дополнить точку зрения П. А. Мунка, утверждающего, что для адекватного определения смысловых связей социолог «должен познать „язык действия“, содержащийся в культуре общества или социальной группы» (Munch, 1975: 63). Иначе незнание этого языка станет причиной некорректно сформулированных понятий. Однако если уйти от идеи нормативности культуры и признать суверенность разных познавательных интересов, то следует сказать, что каждое отдельное понимание смысловой связи (и ее выражение в идеальном типе) является не «правильным» или «неправильным», а скорее, обладает определенной степенью адекватности. Такая релятивизация неизбежно повлияет и на границы каузальных объяснений.

Таким образом, многообразие познавательных интересов оборачивается плюрализмом каузальных объяснительных цепочек. Накопление номологического знания не обеспечивает ученых каким-либо единым методом определения границ каузального вменения. Для Вебера «роль „правил“, их логическая форма, необходимость их формулировки — все это зависит от конкретной познавательной цели» (Weber, 2012b: 87). Работа ученых не нацелена на складывание картотеки универсальных истин, финального и безукоризненного образца знания. Напротив, исследования могут быть продолжены, а полученные результаты используются различными способами. Такую особенность веберовской теории С. Фуллер назвал веберовским «антимонументализмом» (Fuller, 2020: 113). Мы предложили свою версию его логико-методологического устройства.

О границах призвания: «политика ученого» vs исследовательской «программы»¹⁰

В 1904–1905 годах Вебер работает как над «Протестантской этикой», так и над статьями о логике и методологии социально-исторического познания¹¹. Он исследует проблему «свободы от ценностей», пишет, что наука не должна служить внешним

10. «Программу» Вебера мы трактуем как тематическое единство, которое ученый планировал реализовать и для которого ему требовался устойчивый методологический аппарат. Мы намеренно заключаем в кавычки только слово «программа», чтобы ее можно было отличать от так называемых «веберовской исследовательской программы» (Шлюхтер, 2004: 25) и «парадигмы Вебера» (Швинн, Альберт, 2017). Последние подразумевают не только реконструкцию наследия ученого, но и обновление его методологических и содержательных работ, расширение тематического поля их применения. Наше понимание «программы» Вебера ближе к понятию «научная „программа“ Вебера», предложенному Ф. Тенбруком (Tenbruck, 1974). Частично о нем — в этой части исследования.

11. Появляются эссе об «Объективности» 1904 г., трилогия о «Рошере и Книсе», части которой публиковались в период с 1903 по 1906 г., «Критические исследования в области логики наук о культуре» 1906 г. и критика Р. Штаммлера 1907 г. К этому блоку работ необходимо также отнести текст доклада 1913 г., переработанного позже в статью «Смысл „свободы от оценки“ в социологической и экономической науке».

для целей познания идеалам, однако признает их наличие у самих ученых, которые должны постоянно отделять научные суждения от практических оценок.

Но как самому Веберу удастся сохранять равновесие, конечно, относительное, в сочетании собственных донаучных идеалов и утверждаемых им принципов научной работы? В чем, как это называет Ю. Каубе, проявлялся «талант» Вебера «использовать политические и культурные предпочтения для подкрепления выводов и аргументов» (Каубе, 2016: 445)? Есть ли баланс между ними?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся сначала к его речи 1895 года по случаю вступления в должность профессора во Фрайбурге.

Вебер здесь критикует представителей «исторической» школы поколения Шмоллера, «экономическая точка зрения» которых из составляющей метода превратилась в критерий оценивания социально-исторического развития. Заимствовать из материала исследований мерило для его оценки — ошибочно, а ценности ученых могут быть разными, поэтому в науке требуются «осознанный самоконтроль» и проблематизация любых, даже самых высоких, ценностей (Вебер, 2003б: 27).

Здесь же теория вступает в неравный бой с представлениями молодого ученого об интересах немецкой нации. Напряжение очевидно, когда Вебер, по сути, «подчиняет» научную работу «властным интересам»: экономика должна стать «политической» наукой, цель которой — «участвовать в политическом воспитании нашей нации» (Там же: 38).

Тернер и Фактор считают, что «нация» остается для Вебера ключевой донаучной ценностью даже тогда, когда он напрямую требует от коллег воздерживаться от любых оценочных суждений и не смешивать личные интересы и факты. Более того, полагают исследователи, иногда Вебер «использовал эти методологические установки, чтобы устранить своих противников» (Turner, Factor, 2006: 54).

Опираясь на «Историю „Союза социальной политики“», написанную Ф. Безе — его секретарем до 1936 года, Т. Сайми показывает, что Вебер действительно мог быть инициатором ценностно-окрашенных дискуссий. В пример он приводит выступление Вебера в Вене в 1909 году. «Технически» анализ оставался эмпирическим, строгим и вполне научным. Но цель выступления состояла в критике усиления бюрократического контроля муниципальной торговли. В итоге «целый день был посвящен обсуждению его позиции... из-за чего возникло что-то вроде скандала», а Шмоллер, который, напротив, высоко оценивал качество прусского чиновничества, даже пожаловался, что «„Союз“ превратился в комическую оперу» (Simey, 1966: 311).

Как и в 1895 году, «нация» в это время остается для Вебера ключевым донаучным идеалом. А идея о невозможности эмпирического обоснования высших ценностей, полагают Тернер и Фактор, необходима ему именно для того, чтобы легитимно опираться на идею национальных интересов. Поэтому веберовскую аргументацию нельзя считать абсолютно беспристрастной: его представления о ценностях функционировали одновременно и как эпистемологическое, и как

«политическое и критическое оружие», так как сам Вебер «верил, что новые методологические правила лучше всего будут служить его националистической позиции» (Turner, Factor, 2006: 59).

Посмотрим под этим углом зрения на его исследования, которые, в отличие от логико-методологических, назовем предметными. К ним относятся, во-первых, исследования «аграрного вопроса», два крупных проекта по изучению трудовых, психологических и политических отношений в немецких восточных провинциях (Вебер, 2005а). Вебер оттачивает исследовательскую технику: после первого этапа он критикует качество анкет и их распределение по исследуемым территориям, набор исследуемых переменных, количество респондентов и принцип их отбора. В то же время, как показывает Р. П. Шпакова, «исследование Вебера имело политический характер» (Шпакова, 2004: 70). Изучение и решение аграрного вопроса он рассматривал как средство усиления экономической силы государства и выстраивания соответствующего курса национальной политики. Научная работа сопровождалась лекциями, участием в дебатах, выработкой конкретных рекомендаций и статьями в газетах (Hennis, 2006b: 56).

Во-вторых, это исследования промышленного труда и психофизики трудящихся — работы, посвященные тому, что сегодня можно было бы назвать изучением эргономики с социологической точки зрения. Здесь Вебер также активно занимается вопросами концептуального характера. Как показывает Шлюхтер, проработка Вебером методологических аспектов психофизики настолько серьезна, что в ней прослеживаются первые наброски будущей теории действия и понимающей социологии (Schluchter, 2000: 71–80). При более детальном рассмотрении оказывается, что исследовательские вопросы, поставленные Вебером, имеют для него прежде всего культурное значение: «Какой тип человека создается современной крупной промышленностью в силу присущих ей характеристик, и какую судьбу она готовит ему в профессиональном и непрофессиональном планах?» (Цит. по: Hennis, 1983: 165).

Наконец, в-третьих, Вебер продолжает писать политические тексты. И если некоторые из них фиксируют позицию автора в реальной политике «без какого бы то ни было притязания на „научное“ значение» (Вебер, 2003а: 343), то другие, например, посвященные демократическому движению в России в начале XX века, — это «аналитические работы» (Шпакова, 2003: 109), цель которых — разобраться в общественно-политических процессах и определить их идеологические и философские основания.

Итак, как участник исследовательских проектов и дискуссий в рамках «Союза социальной политики» и других организаций Вебер действительно мог рассматривать науку как то, что делало его позицию «политически сильнее». Экспертная работа, формулировка рекомендаций, продвижений петиций, публичные выступления — все это характеризует «политического консультанта» (Каубе, 2016: 139), которому недостаточно только научной деятельности. Новый виток такой политизации исследовательской работы начинается с 1915 года, после начала Первой

мировой войны, и продолжается до смерти Вебера в 1920 году. Критика решений, принимаемых военным командованием, и нарастающая революционная обстановка определяют, по мнению Каубе, «политику ученого». Она подразумевает, что Вебер, с одной стороны, для аргументации своих рекомендаций и решений пользуется инструментами научного эмпирического анализа, с другой — что этот анализ ценен для него не сам по себе, а как то, что служит его социально-политической позиции.

В то же время участие в предметных исследованиях погружает Вебера в строгую, прежде всего — в методологическом смысле, научную работу. Молодой ученый, который «дает волю своему научному воображению» (Hennis, 2006: 56), затем на протяжении практически 20 лет оттачивает собственный стиль, создает «новый исследовательский подход... который он позже назовет „эмпирическая понимающая социология“» (Катаев, 2020: 80). Поэтому предметные работы имеют для Вебера не только политическое, но также социологическое и методологическое значение. Он пытается найти выход из общего кризиса, в котором к началу века оказалась социальная наука. Требовалось преодолеть метафизичность, неясность и мировоззренческую нормативность в работе с научными понятиями. Разница между наукой и политикой как ценностными сферами, обладающими «собственной логикой», способами аргументации и этикой, становится для Вебера более очевидной. Их смешение, с одной стороны, размывает объективность и однозначность научных выводов, с другой — обесценивает ставки и снижает накал политической борьбы. Поэтому в процессе поиска эпистемологических оснований социальной науки с 1903 по 1915 год, наиболее активного — с 1903 по 1907 год, для Вебера «близость к реальной политике... осталась в прошлом» (Каубе, 2016: 295).

В такой системе координат подходы Г. Б. Юдина и В. С. Вахштайна отражают даже не разные этапы развития Вебера, а скорее, отличающиеся между собой режимы его исследовательской работы. Он, с одной стороны, продолжает традицию исторической школы национал-экономии, с другой — настраивает эпистемологическую оптику собственной исследовательской «программы». Однако здесь требуются дополнительные уточнения, если мы снова перейдем к позднему Веберу, к докладам о науке (1917 г.) и политике (1919 г.) как «Beruf», то есть призвании и профессии.

Ф. Тенбрук показывает, что существует «генетическая» связь между докладом Вебера о науке и «Протестантской этикой» как началом его исследований по социологии религии. Тенбрук опирается на второе издание «Этики» 1920 года в составе «Собрания сочинений по социологии религии», где в сноске, добавленной в самом конце, Вебер уточняет: «Вместо предполагаемого вначале непосредственного продолжения работы в направлении предусмотренной нами *программы* я решил изложить сначала результаты моих сравнительных исследований в области всемирно-исторических связей между религией и обществом» (Вебер, 1990д: 272). Ученому требовалось проверить собственную «программу» на обширном эмпирическом материале, ставшем основой «Хозяйственной этики мировых религий».

Только так он получил возможность завершить всестороннее изучение западного рационализма и говорить о призвании современного человека. Получается, что доклад о науке — это не просто мнение, которое Вебер безапелляционно привносит в социальную теорию, не публицистика. Напротив, уверен Тенбрук, этот текст необходимо читать как «продолжение научной „программы“ Вебера» (Tenbruck, 1974: 319). Вебер утверждает научные идеалы и (что может быть связано также с его известной неудачей на политическом поприще) решительно идентифицирует себя как ученого. Весной 1920 года Вебер пишет: «Политик должен и вынужден идти на компромиссы. Я же по профессии ученый» (Каубе, 2016: 512).

Таким образом, автономия науки в теории Вебера складывается как следствие работы ученого над логико-эпистемологическими основаниями социального познания. Участие в предметных исследованиях и реализации «программы» по социологии религии постепенно делают видимыми границы призваний в науке и политике. Веберу требуется не «искоренение ценностных идей, которые обеспечивают науку собственными критериями, а объективация этих идей как предпосылка критической дистанции от них» (Löwith, 1989: 146). Отличающиеся интерпретации веберовского проекта науки можно поэтому рассматривать как отражение разных режимов его исследовательской работы.

Заключение

Споры о Вебере, начавшиеся еще при жизни ученого, продолжают и будут продолжаться. Вехи его интеллектуальной биографии (Bendix, 1998; Radkau, 2009; Каубе, 2016), фрагментарность (Ясперс, 1994) или целостность «исследовательской программы» (Шлюхтер, 2004), поиск «центральной темы» (Hennis, 1983) или «главного труда» (Тенбрук, 2020) Вебера — все это обсуждается с неиссякаемым исследовательским драйвом. Как заметил Хеннис, изучение веберовской теории «неизбежно оборачивается риском участия в фундаментальных дебатах о характере современной социальной науки» (Hennis, 1983: 135).

Опираясь на содержание дискуссий между российскими учеными, мы посмотрели на веберовскую науку как на самостоятельную ценностную сферу и с точки зрения того, как в ней устроено действие, осуществляющееся по призванию.

У Вебера истина лишается критерия общеобязательности, предложенного логическим решением Риккерта. Политеизм ценностей, перенесенный в сферу науки, оборачивается концептуальным плюрализмом и релятивизмом каузальных объяснений. Однако не лишает истину главенствующего статуса. А механика познавательного интереса позволяет ученым отделять внеаучную прагматику от непосредственно научного поиска.

Прогресс социальных наук для Вебера — это концептуальная дифференциация, возникновение новых исследовательских подходов и уточнение используемых понятий. Ассоциируемое с научной работой «обретение ясности» оказывается не ее собственной целью, а возможным эффектом использования полученных

знаний. Наука не связана телеологически с «вообще прогрессом» и «расколдованным» миром, конфигурация которого представляет собой специфическую историческую констелляцию.

Модус «призвания» ученых в ситуации политеизма ценностей проявляется в том, что они формулируют такие идеально-типические конструкции и отличающиеся по степени экстенсивности и интенсивности каузальные объяснения, которые представляются адекватными, достаточными и обладающими необходимой степенью эвристичности с точки зрения их познавательных интересов.

Устойчивость границ науки и ее ценностная автономия формируются у Вебера не сразу, а как следствие его работы над логико-методологическими основаниями социального познания. Участие в предметных исследованиях и реализации «программы» по социологии религии постепенно делают видимыми границы призваний в науке и политике.

Проведенное исследование, однако, не касается отношений между веберовской наукой и критическими или даже радикальными вариантами социологических проектов¹². В какой степени их критика «свободной от оценок» науки основана на принципиальном методологическом несогласии, а где на первый план выходит вненаучная ангажированность? Как меняется риторика и логика аргументации в зависимости от целей критики? И есть ли у современной социологии однозначный критерий для определения характера последней? На эти вопросы, вероятно, еще предстоит искать ответы. Вебер, как известно, призывал нас к «интеллектуальной честности».

Литература

- Вахштайн В. С.* (2019). Интеллектуальные уловки в социологии. ПостНаука. URL: <https://youtu.be/R8AcIQVKYag> (дата доступа: 05.05.2021).
- Вебер М.* (1990а). Критические исследования в области логики наук о культуре / Пер. с нем. М. И. Левиной // *Вебер М. Избранные произведения* / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 416–494.
- Вебер М.* (1990б). Наука как призвание и профессия / Пер. с нем. П. П. Гайденко // *Вебер М. Избранные произведения* / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 707–735.
- Вебер М.* (1990в). О некоторых категориях понимающей социологии / Пер. с нем. М. И. Левиной // *Вебер М. Избранные произведения* / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 495–544.
- Вебер М.* (1990г). «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / Пер. с нем. М. И. Левиной // *Вебер М. Избранные произведения* / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 345–415.

12. Подробнее об этом см., например: Wilson, 2004.

- Вебер М. (1990д). Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 61–272.
- Вебер М. (1990е). Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения / Под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс. С. 547–601.
- Вебер М. (2003а). Будущая государственная форма Германии // Вебер М. Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 343–393.
- Вебер М. (2003б). Национальное государство и народнохозяйственная политика // Вебер М. Политические работы (1895–1919) / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис. С. 7–39.
- Вебер М. (2005а). Положение сельскохозяйственных рабочих в восточноэльбской Германии / Пер. с нем. Р. П. Шпаковой // Социологические исследования. № 11. С. 121–128.
- Вебер М. (2005б). Хозяйство и общество. Глава II: Основные социологические категории хозяйствования / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Экономическая социология. Т. 6. № 1. С. 46–68.
- Вебер М. (2008). Основные социологические понятия / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Социологическое обозрение. Т. 7. № 2. С. 89–127.
- Вебер М. (2017а). Социология религии (типы религиозных общностей) // Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. II: Общности / Пер. с нем. под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 82–267.
- Вебер М. (2017б). Теория уровней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль. С. 399–345.
- Вебер М. (2020). Теория предельной полезности и «основной психофизический закон» / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Социология власти. Т. 32. № 4. С. 204–216.
- Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. (1991). История и рациональность: социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Издательство политической литературы.
- Давыдов Ю. Н. (1998). Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. М.: Мартис.
- Забавин И. В. (2019). Ницшеанский взгляд на столларовую купюру: чтение веберовской «Протестантской этики» в связи с замечаниями современного экономиста // Экономическая социология. Т. 20. № 1. С. 20–71.
- Капелюшников Р. И. (2018а). Гипноз Вебера: заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть I // Экономическая социология. Т. 19. № 3. С. 25–49.
- Капелюшников Р. И. (2018б). Гипноз Вебера: заметки о «Протестантской этике и духе капитализма». Часть II // Экономическая социология. Т. 19. № 4. С. 12–42.

- Капелюшников Р. И. (2019). Ответ современному не-экономисту (комментарий на комментарий). Препринт WP3/2019/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Катаев Д. В. (2018). Веберинский и антивеберинский дискурс: к вопросу о гипотетической силе классики на примере «Протестантской этики» // Экономическая социология. Т. 19. № 5. С. 146–163.
- Катаев Д. В. (2020). Истоки региональной исторической социологии. Эмпирические исследования Макса Вебера крестьянского вопроса // Гуманитарные исследования Центральной России. № 1. С. 78–83.
- Каубе Ю. (2016). Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох / Пер. с нем. К. Г. Тимофеевой под науч. ред. И. В. Кушнаревой и И. М. Чубарова. М.: Дело.
- Риккерт Г. (1997). Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки / Пер. с нем. Л. Водена. СПб.: Наука.
- Риккерт Г. (1998). О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Под. ред. А. Ф. Зотова. М.: Республика. С. 365–402.
- Степанцов П. М. (2013). Социальное действие между интерпретацией и пониманием // Социология власти. № 1–2. С. 27–56.
- Тенбрук Ф. (2020). Главный труд Макса Вебера / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова // Социологическое обозрение. Т. 19. № 2. С. 76–121.
- Швинн Т., Альберт Г. (2017). Старые понятия — новые проблемы: социология Макса Вебера в свете актуальных вызовов / Пер. с нем. Д. Катаева под ред. О. Кильдюшова // Социологическое обозрение. Т. 16. № 2. С. 198–217.
- Шлюхтер В. (2004) Действие, порядок и культура: основные черты веберинской исследовательской программы / Пер. с нем. В. В. Козловского, К. Г. Тимофеевой, А. В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 8. № 2. С. 22–50.
- Шпакова Р. П. (2003). Макс Вебер о становлении демократии в России // Социологические исследования. № 3. С. 109–115.
- Шпакова Р. П. (2004). Макс Вебер: «Аграрный вопрос» // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 7. № 2. С. 61–76.
- Юдин Г. Б. (2019). Наука и политика у Макса Вебера. URL: https://youtu.be/-PADL_PxVwg (дата доступа: 05.05.2021).
- Ясперс К. (1994). Речь памяти Макса Вебера / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: Образ общества. М.: Юрист. С. 553–566.
- Bendix R. (1998). Max Weber: An Intellectual Portrait. L.: Routledge.
- Bruun H. H. (2001). Weber On Rickert: From Value Relation to Ideal Type // Max Weber Studies. Vol. 1. № 2. P. 138–160.
- Bruun H. H. (2007). Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology. Aldershot: Ashgate.
- Bruun H. H. (2010). The Incompatibility of Values and The Importance of Consequences: Max Weber and The Kantian Legacy // The Philosophical Forum. Vol. 41. № 1–2. P. 51–67.

- Cohen J., Hazelrigg L.E., Pope W.* (1975). De-Parsonizing Weber: A Critique of Parsons' Interpretation of Weber's Sociology // *American Sociological Review*. Vol. 40. № 2. P. 229–241.
- Drysdale J.* (1996). How are Social-Scientific Concepts Formed? A Reconstruction of Max Weber's Concept Formation // *Sociological Theory*. Vol. 14. № 1. P. 71–88.
- Eliaeson S.* (1990). Influences on Max Weber's Methodology // *Acta Sociologica*. Vol. 33. № 1. P. 15–30.
- Fuller S.* (2020). What Does It Mean to Hear the Call of Science? Listening to Max Weber Now // *Social Epistemology*. Vol. 34. № 2. P. 105–116.
- Hennis W.* (1983). Max Weber's 'Central Question' // *Economy and Society*. Vol. 12. № 2. P. 135–180.
- Hennis W.* (1994). «Die volle Nüchtheit des Urteils»: Max Weber zwischen Carl Menger und Gustav Schmoller. Zum hochschulpolitischen Hintergrund des Werturteilspostulats // *Wagner G., Zipprian H.* (Hrsg.). *Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 105–146.
- Hennis W.* (2006a). A Science of Man: Max Weber and the Political Economy of the German Historical School // *Mommsen W. J., Osterhammel J.* (eds.). *Max Weber and His Contemporaries*. L.: Routledge. P. 25–58.
- Hennis W.* (2006b). Personality and Life Orders: Max Weber's Theme // *Whimster S., Lash S.* (eds.). *Max Weber, Rationality and Modernity*. London: Routledge. P. 52–74.
- Lepsius M. R.* (2017). *Max Weber and Institutional Theory*. Cham: Springer.
- Löwith K.* (1989). Max Weber's Position on Science // *Lassman P., Velody I., Martins H.* (eds.). *Max Weber's «Science as a Vocation»*. L.: Unwin Hyman. P. 138–156.
- Munch P.* (1975). «Sense» and «Intention» in Max Weber's Theory of Social Action // *Sociological Inquiry*. Vol. 45. № 4. P. 59–65.
- Oakes G.* (2003). Max Weber on Value Rationality and Value Spheres // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 3. № 1. P. 27–45.
- Oakes G.* (2001). The Antinomy of Values: Weber, Tolstoy and the Limits of Scientific Rationality // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 1. № 2. P. 195–211.
- Oakes G.* (1988). *Weber and Rickert: Concept Formation in the Cultural Sciences*. Cambridge: The MIT Press.
- Parsons T.* (1965). Evaluation and Objectivity in Social Science: An Interpretation of Max Weber's Contribution // *International Social Science Journal*. Vol. 7. № 1. P. 46–63.
- Radkau J.* (2009). *Max Weber: A Biography*. Cambridge: Polity Press.
- Roth G., Schluchter W.* (1984). *Max Weber's Vision of History*. Berkeley: University of California Press.
- Schluchter W.* (2000). Psychophysics and Culture // *Turner S.* (ed.). *The Cambridge Companion to Weber*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 59–80.
- Schön M.* (2006). Gustav Schmoller and Max Weber // *Mommsen W. J., Osterhammel J.* (eds.). *Max Weber and His Contemporaries*. L.: Routledge. P. 59–70.
- Sharlin A. N.* (1974). Max Weber and the Origins of the Idea of Value-Free Social Science // *European Journal of Sociology*. Vol. 15. № 2. P. 337–353.

- Simey T. S.* (1966). Max Weber: Man of Affairs or Theoretical Sociologist // *Sociological Review*. Vol. 14. № 3. P. 303–327.
- Swatos W. H., Kivisto P.* (1991). Beyond Wertfreiheit: Max Weber and Moral Order // *Sociological Focus*. Vol. 24. № 2. P. 117–128.
- Swedberg R., Agevall O.* (2016). *The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts*. Stanford: Stanford University Press.
- Tenbruck F. H.* (1974). Max Weber and the Sociology of Science: A Case Reopened // *Zeitschrift für Soziologie*. Vol. 3. № 3. P. 312–320.
- Turner S.* (1990). Weber and His Philosophers // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 3. № 4. P. 539–553.
- Turner S., Factor R.* (1981). Objective Possibility and Adequate Causation in Weber's Methodological Writings // *Sociological Review*. Vol. 29. № 1. P. 5–28.
- Turner S., Factor R.* (2006). *Max Weber and Dispute Over Reason and Value: A Study of Philosophy, Ethics and Politics*. N.Y.: Routledge.
- Wagner G., Zipprian H.* (1986). The Problem of Reference in Max Weber's Theory of Causal Explanation // *Human Studies*. Vol. 9. № 1. P. 21–42.
- Wagner G., Zipprian H.* (1990). Oakes on Weber and Rickert // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. Vol. 3. № 4. P. 559–563.
- Weber M.* (2012a). Rickert's «Values» (The «Nervi Fragment») // *Weber M. Collected Methodological Writings*. L.: Routledge. P. 413.
- Weber M.* (2012b). Roscher and Knies and the Logical Problems of Historical Economics // *Weber M. Collected Methodological Writings*. L.: Routledge. P. 3–94.
- Weber M.* (2012c). Rudolf Stammler's «Overcoming» of the Materialist Conception of History // *Weber M. Collected Methodological Writings*. L.: Routledge. P. 185–226.
- Wilson H. T.* (2004). *The Vocation of Reason: Studies in Critical Theory and Social Science in the Age of Max Weber*. Leiden: Brill.

What do Social Scientists Do in a “Value Polytheism” Situation?; Or, A Little More on Weber’s “Vocation”

Ilya V. Presnyakov

MA in Sociology (The University of Manchester/MSEES), Researcher, Center of Sociological Research, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Address: Prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation 119571

E-mail: presnyakoviliaval@gmail.com

The purpose of the present paper consists of two points. First, it is to show how the internal structure and the “inner logic” of science as a value sphere are formed in Max Weber's theory. Then, relying on logical-methodological foundations proposed by Weber, the second point is to identify how the action carried out by scientists in a “vocation” mode in a situation of “value polytheism” is realized within science. Analyzing the content of recent discussions about the empirical validity

and character of Weber's argumentation in one of his central works, *The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism*, as well as about the autonomy and conceptual boundaries of Weber's science, we draw a line of reasoning as follows. Firstly, we trace the changing of the methodological role of values in general, and the value of truth, in particular, in the "sciences of culture" in connection with the transition from the transcendental solution of Heinrich Rickert to Weber's "value polytheism". Secondly, we analyze how the relationship between Weber's science, progress, and rationalization is structured. Thirdly, we explicate the mode of "vocation" in science, relying on the logical-methodological foundations proposed by Weber. Fourthly, we identify the development of Weber's idea of the value autonomy of science. It is shown that Weber rejects the criterion of truth's universality proposed by Rickert's logical solution. However, the construction of ideal-typical concepts and the mechanics of "cognitive interest" described by Weber allows scientists to separate extra-scientific pragmatics from the scientific research itself. The progress of the "sciences of culture" for Weber is the differentiation and the emergence of new research approaches and the refinement of concepts. At the same time, science is not teleologically connected with "progress in general" and the rationalizing world, the configuration of which is a specific historical constellation. As associated with scientific work, "gaining the clarity" turns out to be not its own goal, but a possible effect of using scientific knowledge. The mode of "vocation" in a "value polytheism" situation forces scientists to contribute to the endless scientific progress; they formulate such ideal-types and causal explanations that seem adequate and sufficient from the point of view of their cognitive interests. The stability of science's boundaries and its value autonomy are formed in Weber's theory gradually; epistemological studies and the implementation of his sociology of the religion research "programme" make the difference between vocations in science and politics clear.

Keywords: Max Weber, science, values, value spheres, value polytheism, action, vocation

References

- Bendix R. (1998) *Max Weber: An Intellectual Portrait*, London: Routledge.
- Bruun H. H. (2001) Weber on Rickert: From Value Relation to Ideal Type. *Max Weber Studies*, vol. 1, no 2, pp. 138–160.
- Bruun H. H. (2007) *Science, Values and Politics in Max Weber's Methodology*, Aldershot: Ashgate.
- Bruun H. H. (2010) The Incompatibility of Values and The Importance of Consequences: Max Weber and The Kantian Legacy. *The Philosophical Forum*, vol. 41, no 1–2, pp. 51–67.
- Cohen J., Hazelrigg L. E., Pope W. (1975) De-Parsonizing Weber: A Critique of Parsons' Interpretation of Weber's Sociology. *American Sociological Review*, vol. 40, no 2, pp. 229–241.
- Davydov Y. (1998) *Maks Veber i sovremennaja teoreticheskaja sociologiya: aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo ucheniya* [Max Weber and Modern Theoretical Sociology: Current Problems of Weber's Sociological Doctrine], Moscow: Martis.
- Drysdale J. (1996) How are Social-Scientific Concepts Formed? A Reconstruction of Max Weber's Concept Formation. *Sociological Theory*, vol. 14, no 1, pp. 71–88.
- Eliaeson S. (1990) Influences on Max Weber's Methodology. *Acta Sociologica*, vol. 33, no 1, pp. 15–30.
- Fuller S. (2020) What Does It Mean to Hear the Call of Science? Listening to Max Weber Now. *Social Epistemology*, vol. 34, no 2, pp. 105–116.
- Gaidenko P., Davydov Y. (1991) *Istorija i racional'nost': sociologija Maksa Vebera i veberovskij renessans* [History and Rationality: Max Weber's Sociology and the Weberian Renaissance], Moscow: Political Literature Publishing House.
- Hennis W. (1983) Max Weber's "Central Question". *Economy and Society*, vol. 12, no 2, pp. 135–180.
- Hennis W. (1994) "Die volle Nüchtheit des Urteils": Max Weber zwischen Carl Menger und Gustav Schmoller. *Zum hochschulpolitischen Hintergrund des Werturteilspostulats: Max Webers Wissenschaftslehre. Interpretation und Kritik* (eds. G. Wagner, H. Zipprian), Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 105–146.
- Hennis W. (2006) A Science of Man: Max Weber and the Political Economy of the German Historical School. *Max Weber and His Contemporaries* (eds. W. J. Mommsen, J. Osterhammel), London: Routledge, pp. 25–58.

- Hennis W. (2006) Personality and Life Orders: Max Weber's Theme. *Max Weber, Rationality and Modernity* (eds. S. Whimster, S. Lash), London: Routledge, pp. 52–74.
- Jaspers K. (1994) Rech' pamjati Maksa Vebera [Speech in Memory of Max Weber]. *Izbrannoe. Obraz obshhestva* [Selected Papers: Image of Society], Moscow: Yurist, pp. 553–566.
- Kapelyushnikov R. (2018) Gipnoz Vebera: zametki o Protestantskoy etike i dukhe kapitalizma. Chast' I [Weber's Hypnosis: Notes on "The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism". Part I]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 3, pp. 25–49.
- Kapelyushnikov R. (2018) Gipnoz Vebera. Zametki o Protestantskoy etike i dukhe kapitalizma. Chast' II [Weber's Hypnosis: Notes on "The Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism". Part II]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 4, pp. 12–42.
- Kapelyushnikov R. (2019) *Otvet sovremennomu ne-ekonomistu (kommentarij na komentarij)* [A Rejoinder to a Contemporary Non-Economist (A Comment on a Comment)], Moscow: HSE.
- Kataev D. (2018) Veberianskiy i antiveberianskiy diskurs: k voprosu o gipnoticheskoj sile klassiki na primere Protestantskoy etiki [Weberian and Anti-Weberian Discourse: On the Question of the Hypnotic Power of Classics on the Example of "Protestant Ethics"]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 5, pp. 146–163.
- Kataev D. (2020) Istoki regional'noj istoricheskoy sociologii: jempiricheskie issledovaniya Maksa Vebera krest'janskogo voprosa [The Origins of Historical Sociology. Empirical Studies by Max Weber of Peasant Question]. *Humanitarian Studies of Central Russia*, no 1, pp. 78–83.
- Kaube J. (2016) *Maks Veber: zhizn' na rubezhe jepoh* [Max Weber: Life at the Turn of the Eras], Moscow: Delo.
- Lepsius M. R. (2017) *Max Weber and Institutional Theory*, Cham: Springer.
- Löwith K. (1989) Max Weber's Position on Science. *Max Weber's "Science as a Vocation"* (eds. P. Lassman, I. Velody, H. Martins), London: Unwin Hyman, pp. 138–156.
- Munch P. (1975) "Sense" and "Intention" in Max Weber's Theory of Social Action. *Sociological Inquiry*, vol. 45, no 4, pp. 59–65.
- Oakes G. (2003) Max Weber on Value Rationality and Value Spheres. *Journal of Classical Sociology*, vol. 3, no 1, pp. 27–45.
- Oakes G. (2001) The Antinomy of Values: Weber, Tolstoy and the Limits of Scientific Rationality. *Journal of Classical Sociology*, vol. 1, no 2, pp. 195–211.
- Oakes G. (1988) *Weber and Rickert: Concept Formation in the Cultural Sciences*, Cambridge: The MIT Press.
- Parsons T. (1965) Evaluation and Objectivity in Social Science: An Interpretation of Max Weber's Contribution. *International Social Science Journal*, vol. 7, no 1, pp. 46–63.
- Radkau J. (2009) *Max Weber: A Biography*, Cambridge: Polity Press.
- Rickert H. (1997) *Granicy estestvenno-nauchnogo obrazovaniya ponjatij: logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki* [The Limits of Concept Formation in Natural Science: A Logical Introduction to Historical Sciences], Saint Petersburg: Nauka.
- Rickert H. (1998) O sisteme cennostej [On System of Values]. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [The Sciences of Nature and the Sciences of Culture], Moscow: Respublika, pp. 365–402.
- Roth G., Schluchter W. (1984) *Max Weber's Vision of History*, Berkley: University of California Press.
- Schluchter W. (2004) Dejstvie, porjadok i kul'tura: osnovnye cherty veberianskoj issledovatel'skoj programmy [Action, Order, and Culture: The Basic Features of the Weberian Research Programme]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 8, no 2, pp. 22–50.
- Schluchter W. (2000) Psychophysics and Culture. *The Cambridge Companion to Weber* (ed. S. Turner), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 59–80.
- Schön M. (2006) Gustav Schmoller and Max Weber. *Max Weber and His Contemporaries* (eds. W. J. Mommsen, J. Osterhammel), London: Routledge, pp. 59–70.
- Schwinn T., Albert G. (2017) Starye ponjatija — novye problemy: sociologija Maksa Vebera v svete aktual'nyh vyzovov [Old Concepts — New Problems: Max Weber's Sociology in the Light of Current Challenges]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 2, pp. 198–217.
- Sharlin A. N. (1974) Max Weber and the Origins of the Idea of Value-Free Social Science. *European Journal of Sociology*, vol. 15, no 2, pp. 337–353.

- Shpakova R. (2004) Maks Veber: "Agrarnyj vopros" [Max Weber: "Agrarian Question"]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 7, no 2, pp. 61–76.
- Shpakova R. (2003) Maks Veber o stanovlenii demokratii v Rossii [Max Weber on The Formation of Democracy in Russia]. *Sociological Studies*, no 3, pp. 109–115.
- Simey T. S. (1966) Max Weber: Man of Affairs or Theoretical Sociologist. *Sociological Review*, vol. 14, no 3, pp. 303–327.
- Stepantsov P. (2013) Social'noe dejstvie mezhdru interpretaciej i ponimaniem [Social Action between Interpretation and Understanding]. *Sociology of Power*, vol. 1–2, pp. 27–56.
- Swatos W. H., Kivisto P. (1991) Beyond Wertfreiheit: Max Weber and Moral Order. *Sociological Focus*, vol. 24, no 2, pp. 117–128.
- Swedberg R., Agevall O. (2016) *The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts*, Stanford: Stanford University Press.
- Tenbruck F. H. (2020) Glavnyj trud Maksa Vebera [Max Weber's Main Work]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 2, pp. 76–121.
- Tenbruck F. H. (1974) Max Weber and the Sociology of Science: A Case Reopened. *Zeitschrift für Soziologie*, vol. 3, no 3, pp. 312–320.
- Turner S. (1990) Weber and His Philosophers. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 3, no 4, pp. 539–553.
- Turner S., Factor R. (1981) Objective Possibility and Adequate Causation in Weber's Methodological Writings. *Sociological Review*, vol. 29, no 1, pp. 5–28.
- Turner S., Factor R. (2006) *Max Weber and Dispute Over Reason and Value: A Study of Philosophy, Ethics and Politics*, New York: Routledge.
- Vakhshtain V. (2019) Intellektual'nye ulovki v sociologii [Intellectual Tricks in Sociology]. *PostNauka*. Available at: <https://youtu.be/R8AcIQVKYag> (accessed: 5 May 2021).
- Wagner G., Zippran H. (1990) Oakes on Weber and Rickert. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 3, no 4, pp. 559–563.
- Wagner G., Zippran H. (1986) The Problem of Reference in Max Weber's Theory of Causal Explanation. *Human Studies*, vol. 9, no 1, pp. 21–42.
- Weber M. (1990) Kriticheskie issledovaniya v oblasti logiki nauk o kul'ture [Critical Studies in the Logic of the Cultural Sciences]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 416–494.
- Weber M. (1990) Nauka kak prizvanie i professija [Science as a Vocation and Profession]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 707–735.
- Weber M. (1990) O nekotoryh kategorijah ponimajushhej sociologii [On Some Categories of Interpretive Sociology]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 495–544.
- Weber M. (1990) "Obektivnost'" social'no-nauchnogo i social'no-politicheskogo poznanija [The "Objectivity" of Knowledge in Social Science and Social Policy]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 345–415.
- Weber M. (1990) Protestant'skaja jetika i duh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 61–272.
- Weber M. (1990) Smysl "svobody ot ocenki" v sociologicheskoi i jekonomicheskoi nauke [The Meaning of "Value Freedom" in the Sociological and Economic Sciences]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Papers], Moscow: Progress, pp. 547–601.
- Weber M. (2003) Nacional'noe gosudarstvo i narodnohozjajstvennaja politika [The Nation State and Economic Policy]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Writings (1895–1919)], Moscow: Praxis, pp. 7–39.
- Weber M. (2003) Budushhaja gosudarstvennaja forma Germanii [The Future Form of the German State]. *Politicheskie raboty (1895–1919)* [Political Writings (1895–1919)], Moscow: Praxis, pp. 343–393.
- Weber M. (2005) Polozhenie sel'skohozjajstvennyh rabochih v vostochnojel'bskoj Germanii [Condition of Farm Labour in Eastern Germany]. *Sociological Studies*, no 11, pp. 121–128.

- Weber M. (2005) Hozyajstvo i obshchestvo. Glava II: Osnovnye sociologicheskie kategorii hozyajstvovaniya [Economy and Society. Chapter II: Basic Sociological Categories of Management]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 6, no 1, pp. 46–68.
- Weber M. (2008) Osnovnye sociologicheskie ponjatija [Basic Concepts in Sociology]. *Russian Sociological Review*, vol. 7, no 2, pp. 89–127.
- Weber M. (2012) Rickert's "Values" (The "Nervi Fragment"). *Collected Methodological Writings* (eds. H. Bruun, S. Whimster), London: Routledge, pp. 413.
- Weber M. (2012) Roscher and Knies and the Logical Problems of Historical Economics. *Collected Methodological Writings* (eds. H. Bruun, S. Whimster), London: Routledge, pp. 3–94.
- Weber M. (2012) Rudolf Stammler's "Overcoming" of the Materialist Conception of History. *Collected Methodological Writings* (eds. H. Bruun, S. Whimster), London: Routledge, pp. 185–226.
- Weber M. (2017) Sociologiya religii (tipy religioznyh obshchnostej) [Sociology of Religion (Types of Religious Communities)]. *Hozyajstvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchej sociologii. T. II: Obshchnosti* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology. Vol. II: Communities], Moscow: HSE, pp. 82–267.
- Weber M. (2017) Teorija urovnej i napravlenij religioznogo neprijatija mira [Religious Rejections of the World and their Directions]. *Hozjajstvennaja jetika mirovyh religij: Opyty sravnitel'noj sociologii religii. Konfucianstvo i daosizm* [Economic Ethics of the World Religions: Comparative Studies in Sociology of Religion. Confucianism and Taoism], Saint Peterburg: Vladimir Dal', pp. 399–345.
- Weber M. (2020) Teorija predel'noj poleznosti i "osnovnoj psihofizicheskij zakon" [The Theory of Marginal Utility and the "Fundamental Law of Psychophysics"]. *Sociology of Power*, vol. 32, no 2, pp. 204–216.
- Wilson H. T. (2004) *The Vocation of Reason: Studies in Critical Theory and Social Science in the Age of Max Weber*, Leiden: Brill.
- Yudin G. (2019) Nauka i politika u Maksa Vebera [Max Weber's Science and Politics]. PostNauka. Available at: https://youtu.be/-PADL_PxVwg (accessed 5 May 2021).
- Zabaev I. (2019) Nitszscheanskiy vzglyad na stodollarovuyu kupyuru: chtenie veberovskoy "Protestantskoy etiki" v svyazi s zamechaniyami sovremennogo ekonomista [A Nietzschean Take on a Hundred-Dollar Bill: Reading Weber's "Protestant Ethic" in Connection with a Contemporary Economist's Comments]. *Journal of Economic Sociology*, vol. 20, no 1, pp. 20–71.